

Дневникъ № 7—Г. В. Плеханова.

Видѣніе г. В. Кузьмина-Караваева.

Въ № 117 „Двадцатаго Вѣка“ г. В. Кузьминъ Караваевъ характеризуетъ политическое положеніе, созданное у насъ разгономъ Думы.

Онъ говоритъ:

„Пока—лозунгъ активныхъ революціонныхъ дѣйствій и забастовокъ—протестъ противъ роспуска Думы. Но рядомъ съ нимъ начинаетъ слышаться и другой: учредительное собраніе. Превозможетъ ли поколебленная идея конституціонной монархіи заманчивую мысль о полномъ властномъ учредительномъ собраніи, котораго нельзя ни распустить, ни разогнать?“

Нашъ почтенный авторъ „вѣрить“ и „надѣется“, что „превозможетъ“. Почему „вѣрить“ и почему „надѣется“, это остается неразъясненнымъ. Но, прочитавъ его статью, приходится признать, что вѣра и надежда,—принадлежащая, какъ извѣстно, къ числу самыхъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей,—совершенно необходимы г. В. Кузьмину-Караваеву для спокойствія духа. Если бы у него не было вѣры въ то, что идея конституціонной монархіи „превозможетъ“ идею учредительнаго собранія, то его нравственное состояніе стало бы просто невыносимымъ, такъ какъ созывъ учредительнаго собранія связывается въ его представленіи съ настоящими ужасами. Вотъ посмотрите:

„Полновластіе коллективной мысли, при безконечной розни политическихъ и социальныхъ теченій, приведетъ въ водоворотъ страстей, усобицы, взаимной ненависти и рѣзни...“

„Но и лозунгъ „учредительное собраніе“ имѣетъ ступень дальнѣйшую—можетъ раздаться всепокрывающее безформенное „мы сами возьмемъ“... Тогда обнажатся во всей наготѣ дикіе, животные инстинкты человѣка-звѣря, алчнаго, кровожаднаго, мстительнаго... Тогда пойдетъ деревня на городъ, городъ на деревню... Тогда страна узнаетъ тотъ абсолютизмъ самоопредѣляющей силы, какому нѣтъ равнаго...“

„Вотъ что виднѣется въ туманной дали, въ связи съ роспускомъ Думы. А говорятъ: Думу нельзя было не распустить—въ ней раздавались грубые слова по адресу министровъ“.

„Или: „она намѣревалась провести принудительное отчужденіе земель“. Объ этомъ ли теперь думать?“.

Говоря по правдѣ, это нѣсколько нескладно: То, что въ видѣніи г. Кузьмина-Караваева выступаетъ, какъ результатъ „полновластія коллективной власти“, тождественно съ тѣмъ, что является въ немъ, дальнѣйшей ступенью лозунга: учредительное собраніе. „И я не понимаю, почему эти двѣ „ступени“ видѣнія отмежеваны одна отъ другой раздѣлительнымъ „но и“. Однако, не въ томъ дѣло. Хотя это и нескладно, но ужасно: Тутъ „виднѣется“ и водоворотъ страстей, и усобицы, и рѣзня, и взаимная ненависть, и дикіе инстинкты кровожаднаго человѣка-звѣря. Словомъ, видѣніе г. Кузьмина-Караваева гораздо страшнѣе самыхъ страшныхъ апокалиптическихъ видѣній. Но отчего же всѣ эти ужасы „виднѣются“ нашему автору? Единственно оттого, что онъ опасается, какъ бы не раздалось: „мы сами возьмемъ“. Это „мы сами возьмемъ“ играетъ въ его представленіи роль ящика Пандоры, изъ котораго на насъ посыплются всякія бѣды. Отсюда слѣдуетъ, что спасеніе наше состоитъ, по мнѣнію г. Кузьмина-Караваева, въ томъ, чтобы мы не брали сами, а... дожидались, пока намъ дадутъ то, что намъ нужно. Это очень поучительный выводъ.

Весь вопросъ въ томъ, какъ долго намъ нужно будетъ ждать? Я боюсь, что очень долго...

Г. В. Кузьминъ-Караваевъ не хочетъ кровопролитія не хочетъ „рѣзни“. И это, разумѣется, понятно. Но почему онъ думаетъ, что созывъ учредительнаго собранія послужилъ бы сигналомъ для начала рѣзни? Это уже совсѣмъ непонятно.

Рѣзня, къ сожалѣнію, уже начата и начата вовсе не тѣми, которые стремятся къ созыву учредительнаго собранія. Г. Кузьминъ-Караваевъ знаетъ это не хуже меня. А если онъ знаетъ, что рѣзня уже началась, и если онъ серьезно хочетъ ея прекращенія, то ему необходимо разобратся въ вопросъ о томъ, какимъ образомъ остановить тѣхъ людей, которые ее производятъ. Но именно въ этомъ-то вопросѣ онъ и не разобрался. Онъ очень чувствительно пишетъ: „мы надѣемся, мы вѣримъ, что распущенная Дума останется для народа свѣтлой точкой, что эта точка будетъ освѣщать его путь къ новымъ выборамъ и къ новой Думѣ и охранитъ идею демократической представительной монархіи“. Въ переводѣ на прозаическій языкъ политики это значитъ, что г. Кузьминъ-Караваевъ надѣется на то, что народъ не дойдетъ до мысли объ учредительномъ собраніи. Предположимъ, что его не обманетъ его надежда и что указанная мысль останется недоступной для народа. Этому можно радоваться съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія: но въ этомъ не можетъ быть ничего страднаго для человѣка, умѣющаго сводить концы съ концами въ своихъ разсужденіяхъ и искренно желающаго прекращенія „рѣзни“. Та „свѣтлая точка“, которую такъ краснорѣчиво воспѣваетъ г. Кузьминъ-Караваевъ,—т. е. Дума,—освѣтитъ путь къ народному освобожденію только въ томъ случаѣ, если она приведетъ народъ къ убѣжденію въ полномъ безсиліи нынѣшняго нашего „парламента“ и въ необходимости добиться *настоящей конституціи*. Я „вѣрю“ и „надѣюсь“, что г. Кузьминъ-Караваевъ не будетъ оспаривать эту очевидную истину. Но если народу необходимо добиться настоящей конституціи, то какъ же сдѣлать это? Неужели посредствомъ чувствительныхъ воззваній къ людямъ, существенно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы держать нашъ народъ въ политическомъ рабствѣ? Неужели г. Кузьминъ-Караваевъ „вѣрить“ въ силу такихъ воззваній и „надѣется“ на нее? Если да, то онъ забылъ мораль басни Котъ и Поваръ:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Тамъ словъ не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить...

Вѣдь эта мораль вполне примѣнима къ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ отношеніямъ: слова такъ же мало дѣйствуютъ на наше правительство, какъ дѣйствовали они на крыловскаго кота, который, какъ извѣстно, слушалъ, да ѣлъ. Нашимъ врагамъ деспотизма тоже необходимо „власть употребить“. А „употребить власть“ именно и значитъ въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя въ статьѣ г. Кузьмина-Караваева характеризуются словами: „мы сами возьмемъ“. Но эти дѣйствія уже заранѣе повергаютъ г. Кузьмина-Караваева въ невыносимый трепетъ. Именно эти дѣйствія „обнажаютъ“, по его мнѣнію, „дикіе, животные инстинкты человѣка-звѣря, алчнаго, кровожаднаго, мстительнаго“. Значитъ онъ не можетъ сосуществовать такимъ дѣйствіямъ и не можетъ возлагать на нихъ свои упованія. А если—итъ, то какъ же думаетъ онъ придти къ своей политической цѣли? Какъ думаетъ онъ осуществить свою „идею демократической представительной монархіи“? На этотъ

неизбѣжный вопросъ онъ не даетъ отвѣта и не можетъ дать его. И въ этой невозможности отвѣтить на этотъ неизбѣжный вопросъ заключается весь смыслъ его статьи: эта статья обнаруживаетъ полнѣйшую несостоятельность точки зрѣнія тѣхъ людей,—въ отличіе отъ страшнаго и отвратительнаго „человѣка-звѣря“ назовемъ ихъ хоть *людьми-ангелами*,—которые, съ одной стороны, желаютъ, чтобы народъ освободился, а съ другой—не хотятъ, чтобы онъ самъ взялъ свою свободу. Эти люди-ангелы стремятся сѣсть между двухъ стульевъ; но это — опасное упражненіе, и они рискуютъ больно ушибиться.

Исторія ясно говоритъ, что прочна только та свобода, которая была взята народами. Но г. Кузьминъ-Караваевъ *боится* такой свободы. Нечего сказать, хорошо его свободолюбіе!

И не наивно-ли, съ его стороны, обнаруживать столь изумительное свободолюбіе послѣ разгона Думы, т. е. въ виду новыхъ выборовъ? Или онъ думаетъ, что избиратели будутъ не въ состояніи оцѣнить такое свободолюбіе по его истинному достоинству?

Въ другой своей статьѣ („*Расправы*“, № 119 той же газеты) г. Кузьминъ-Караваевъ высказываетъ по поводу программы г. Столыпина слѣдующія справедливыя соображенія:

„На всѣ семь мѣсяцевъ—до 20 февраля—объявлено торжество законовъ и законности. Какіхъ только законовъ и какой законности?“

„Законы наши двухъ родовъ. Одни опредѣляютъ правоотношеніе и въ конечномъ результатѣ примѣняются судомъ. Другіе—указываютъ произволъ. И право земскихъ начальниковъ сажать въ холодную или штрафовать, безъ преступленія и безъ суда, основано на законѣ. И право министра внутреннихъ дѣлъ ссылать, тоже безъ преступленія и безъ суда, въ Нарымскій или Туруханскій край. А при усиленномъ уже либеральномъ толкованіи—и право генералъ-губернаторовъ сѣчь или сжигать постройки. Одинъ генералъ-губернаторъ даже общалъ вѣшать безъ преступленія—за неплатежъ *податей*“

Что вѣрно, то вѣрно! Но нашъ авторъ позабылъ сказать намъ, къ какой изъ этихъ двухъ категорій принадлежатъ законы, опредѣляющіе права русскаго „парламента“. Не къ той ли, которая „указываетъ произволъ“ и потому ни коимъ образомъ не можетъ ужиться со свободой? Можетъ быть, онъ „вѣритъ“ и „надѣется“, что „произволъ“ добровольно уйдетъ изъ этой области нашего законодательства?

Нѣтъ, г. Кузьминъ-Караваевъ!

Нынѣшнее положеніе нашей страны чрезвычайно тяжело въ многихъ отношеніяхъ. Но оно хорошо въ одномъ: оно учитъ нашъ народъ пониманію той великой и неоспоримой политической истины, что его *политическое освобожденіе должно и можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ*. А что народъ хорошо усваиваетъ эту великую и неоспоримую истину; что его вѣра въ добрыя намѣренія „произвола“ быстро падаетъ; что его надежда на отеческое попеченіе сверху быстро разрушается, объ этомъ вамъ расскажемъ много интереснаго хотя бы весьма и весьма умѣренный кн. Е. Трубецкой, такими яркими красками изобразившій ростъ народнаго сознанія въ статьѣ, направленной противъ министерства г. Столыпина и напечатанной въ Московскомъ Ежедневникѣ.

Дорогая вамъ политическая идея врядъ ли „превозможетъ“. Вамъ и вашимъ единомышленникамъ остается лишь позаботиться о томъ, чтобы не остаться „за флагомъ“. Все складывается такъ, что приходится „*лечь*“ даже и людямъ-ангеламъ...

По поводу одного письма.

Передо мной лежитъ письмо одного русскаго офицера о современномъ положеніи дѣлъ въ нашей странѣ и о задачахъ революціонной пропаганды въ войскахъ.

Я привожу здѣсь большую часть этого письма, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ товарища, доставившаго мнѣ его. Читатель самъ увидитъ, какую большую важность для дѣла свободы имѣетъ практическій вопросъ, затронутый въ этомъ письмѣ.

„Сначала вкратцѣ выскажу свои взгляды на то, что должно быть по моему.

„Вся Россія раздѣлилась на два лагеря: на друзей освобожденія и на враговъ реформъ.

„Долго бюрократія изумленно и растерянно смотрѣла на неслыханное до сей поры у насъ движеніе и перебывала въ роли созерцательницы.

„Самодержавіе русское, оставаясь таковымъ только номинально, ибо уже давно оно было ограничено кучкой бюрократовъ, наконецъ пошло на уступки народу; но уступки эти реально не выразились ни въ чемъ, а только были данъ рядъ обѣщаній, при проведеніи которыхъ въ жизнь должна была начаться новая эпоха конституціонной Россіи.

„Этотъ рядъ обѣщаній—манифестъ 17 октября: въ немъ безъ всякихъ гарантій обѣщаны права гражданина въ видѣ свободы совѣсти, слова, неприкосновенности личности, собраній и народнаго представительства, какъ законодательнаго учрежденія.

„И вотъ изъ числа этихъ уступокъ еще ни одна пока не реализована, не проведена въ жизнь. Амнистія—первое справедливое требованіе народа—амнистія всѣмъ пострадавшимъ отъ стараго режима—не дана, а это служило-бы доказательствомъ искренности правительства. Общество требуетъ для осуществленія идеи народнаго представительства всеобщаго избирательнаго права и прямыхъ выборовъ,—а въ отвѣтъ ему законъ 7 декабря о расширеніи избирательнаго права.

„Но что же собственно объ этомъ писать, когда все это извѣстно, конечно, вамъ....., не хуже, чѣмъ мнѣ. А потому я оставляю въ сторонѣ настроеніе народа, въ періодъ до государственной думы, періодъ временнаго кабинета Витте. Одно можно сказать, что это былъ періодъ сравнительно спокойный, выжидательный.

„Но событія идутъ грознымъ ходомъ. Репрессіи правительства, не считающіяся съ мощной волной охватившаго народъ движенія, только усиливаютъ революціонное движеніе. Сила пушекъ и штыковъ, военное положеніе, усиленная охрана,—все это безпомощно въ борьбѣ съ духомъ народа. Они не останавливаютъ революціи, а только ведутъ ее черезъ кровь и трупы. Мнѣ кажется, бюрократія должна или пойти на особые уступки или продолжать войну съ Россіей и очутиться въ концѣ концовъ въ одиночествѣ безъ союзниковъ, кромѣ той кучки, которая давно уже объявила войну всѣмъ сознательнымъ элементамъ страны, отставая не благо Россіи, а свои теплыя мѣстечки и т. п.

„Послѣдняя опора правительства—войско скоро скажетъ свое слово, и тогда—конецъ всему и смерть старому режиму. Всѣ волненія среди солдатъ, участвовавшія теперь, дають ясно понять правительству, что „мы-де уже не хотимъ служить тебѣ, и на нашу силу ты уже не рассчитывай“. Если бы вся армія сразу заявила свое нежеланіе служить бюрократіи, то давно былъ бы поконченъ вопросъ о спасеніи нашей страны. Революціи, идущей снизу, мудрое правительство единственно можетъ отвѣтить революціей сверху. Эту мысль высказалъ еще Александръ I.

„И вотъ въ чемъ ошибка агитаціи въ войскахъ: дѣйствовать на солдата помимо офицера. Для того, что бы руководить войскомъ, да еще въ условіяхъ исключительныхъ,—нужно и умѣніе, и, главное, знаніе человѣческихъ думъ, разумное направленіе этой грозной силы и, пожалуй, что еще важнѣе, такъ это умѣніе взять въ руки, одухотворить эту толпу, потому что безъ внутренней спайки, это и есть именно толпа въ полномъ значеніи этого слова.

„Безъ предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которая, обыкновенно, охватываетъ взволнованныхъ людей, какъ то незамѣтно можетъ обратиться въ озвѣрѣлую банду, которая смететъ на своемъ пути все, не разбирая праваго и виновнаго и, развратившись, станетъ настолько же опасна обществу, насколько ранѣе нужно было ея вмѣшательство.

„А благодаря всеобщей ошибкѣ: отчужденію офицерскаго класса, признанію его безсознательнымъ элементомъ общества, причиной,—войско возмущающееся остается безъ руководителей. А этимъ пользуется правительство и дѣйствуетъ на офицеровъ всѣми высокими фразами о долгѣ, чести, присягѣ и, тѣ, видя себя отчужденными и

зачумленными, озлобляются и становятся, действительно, зѣврями и сторонниками правительства. Быть можетъ, они всей душою рады послужить родному дѣлу, да, вотъ страхъ и сомнѣніе, какъ то ихъ, офицеровъ, примутъ въ рядахъ борцовъ свободы, останавливаетъ ихъ.

„Войскомъ же руководять или люди, ничего общаго съ нимъ не имѣющіе, или мальчишки изъ тѣхъ же солдатъ, не научившіеся еще повиноваться, не только повѣлывать и держать въ своихъ рукахъ толпу. Вотъ почему и бывають курьезные факты, вродѣ Асхабадскаго, гдѣ почти весь гарнизонъ шесть дней держался крѣпко и не могъ болѣе, явился къ корпусному командиру, выдалъ зачинщиковъ и молилъ чуть не на колѣняхъ прощенія.

„Конечно, цѣль уже достигнута, этотъ гарнизонъ ясно доказалъ, что въ нужный моментъ правительство уже не можетъ на него разсчитывать, такъ какъ онъ ненадеженъ.

„Но поль-побѣды—не есть еще побѣда. И ее одинаково рано признавать и обществу и правительству. Прежній режимъ еще не добитъ, съ другой стороны, революція не остановлена.

„Какъ рѣка не побѣжитъ въ степь, такъ и пробудившееся чувство человѣческихъ правъ не обратится въ молчаніе рабовъ. Рубиконъ перейдетъ, *alea jacta est*—и нѣтъ возврата къ прошлому. Правительство же только въ этомъ прошломъ ищетъ своихъ союзниковъ и только тамъ ихъ находитъ. Все новое, вѣрящее въ будущее страны если не противъ него, то во всякомъ случаѣ и не за него.

„Событія перегоняють событія, и трудно предсказать, что сегодняшніе умѣренные, раздраженные неумѣреннымъ ретивостью побороновъ стараго режима не двинутся сами впередъ и заднимъ числомъ, понявъ ложность своего положенія, не потребуютъ тѣхъ же правъ къ благу родной страны.

„Стоитъ только посильнѣе кликнуть кличъ, какъ со всѣхъ сторонъ сейчасъ же отзовутся; надо склонить на свою сторону военнопоборниковъ и, тогда цѣлые полки во главѣ со своими офицерами пойдутъ на бой за счастье и благо Россіи. Зачѣмъ повторять ошибки? Вѣдь каждый солдатъ,—тоже сынъ народа и только молчитъ или изъ за страха, или стыда передъ товарищами, а уничтожить это чувство, клянусь, никто не сможетъ такъ быстро и хорошо, какъ его же начальникъ. Вѣдь, если бы солдаты общались съ народомъ, а то онъ отдѣленъ отъ него стѣной, большой преградой. Надо же дать возможность и заклѣпаннымъ офицерамъ принять активное участіе въ борьбѣ за благо. Не надо унижать и озлоблять.

«Я потому много пишу объ этомъ, что я самъ офицеръ и чувствую на себѣ всю тяжесть позорнаго клейма».

Тутъ кое-что не точно. Такъ, напримѣръ, періодъ министерства Витте нельзя назвать спокойнымъ. Но это незначительныя частности. Важно то, что уважаемый авторъ письма въ общемъ изображаетъ современное положеніе дѣлъ не только вѣрно, но и ярко. Онъ называетъ политику нашей бюрократіи *войной съ Россіей*. Это сказано чрезвычайно удачно. Бюрократія въ самомъ дѣлѣ ведетъ жестокую борьбу съ нашей родиной, и русскіе граждане могли бы сказать,—какъ говорили нѣкогда въ своихъ челобитныхъ обыватели Московскаго государства,—что они страдаютъ отъ бюрократическихъ набѣговъ *«лучше, чѣмъ отъ турокъ и отъ татаръ»*. И въ этой войнѣ съ Россіей бюрократія опирается теперь *главнѣйшимъ образомъ на войско*. Авторъ письма справедливо говоритъ, что «если бы вся армія сразу заявила свое нежеланіе служить бюрократіи, то давно уже былъ бы поконченъ вопросъ о спасеніи нашей страны». Но отъ *всей* арміи, отъ арміи въ ея цѣломъ, подобнаго заявленія ждать, разумѣется, невозможно. Во-первыхъ, въ арміи всегда найдутся элементы, готовые вести войну съ Россіей «не токмо за страхъ, но и за совѣсть». Авторъ письма, можетъ быть, прочелъ въ газетѣ «Переломъ» перепечатанный также въ № 120 «Двадцатаго Вѣка» рассказъ о томъ, какъ г.г. офицеры кавалергардскаго полка истязали А. С. Смирнову за сдѣланное ею ироническое замѣчаніе о слишкомъ веселомъ настроеніи проѣзжавшей (28 іюля с. с.) по Сергіевской улицѣ части этого полка. Арестованная однимъ изъ кавалергардскихъ офицеровъ, г-жа Смирнова была доставлена имъ въ офицерское собраніе на Захарьевской улицѣ, откуда ее,

осыпавъ грубыми ругательствами, силой отвели на каральный дворъ, а тамъ,—разсказываетъ братъ пострадавшей, огласившій доблестный офицерскій подвигъ въ газетѣхъ,—«тамъ по приказанію князя, *) 7 солдаты плетками нанесли моей сестрѣ 25 ударовъ, искровавивъ ее; куски мяса отвисли на спинѣ. Затѣмъ сестру съ ругательствами выгнали» **). Само собою понятно, что истязавшіе г. Смирнову джентльмены кавалергардскаго полка навсегда останутся надежной опорой бюрократіи въ ея войнѣ съ Россіей. Эти *chevaliers sans peur ni reproche* застрахованы отъ всякой политики... кромѣ «черносотенной». И такіе рыцари безъ страха и упрека существуютъ, къ сожалѣнію, не въ одномъ только кавалергардскомъ полку, хотя я увѣренъ, что въ «глубокой арміи», на которую съ такимъ презрѣніемъ смотрятъ гвардейцы, процентъ подобныхъ рыцарей гораздо ниже. Во-вторыхъ, у арміи никогда не будетъ такого органа, который могъ бы явиться выразителемъ ея общаго мнѣнія, даже если бы такое мнѣніе и могло сложиться. Но для избавленія нашей страны отъ тяжкаго и позорнаго ига бюрократіи, для спасенія Россіи, какъ выражается авторъ письма, и нѣтъ надобности дожидаться *единодушнаго* заявленія арміи. Достаточно дѣятельнаго сочувствія свободѣ, нѣкоторой,—смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе значительной,—части военнослужащихъ. А что значительная часть военнослужащихъ способна отказаться отъ участія въ войнѣ бюрократіи съ Россіей, въ этомъ рѣшительно невозможно сомнѣваться. Если бы было иначе, то на нашу родину пришлось бы махнуть рукой...

По словамъ автора письма, правительство дѣйствуетъ на офицеровъ высокими фразами «о долгѣ, чести, присягѣ и т. д.» И всякій, знакомый съ нашимъ военнымъ бытомъ, знаетъ, что это вѣрно. Когда въ душѣ офицера зарождается ненависть къ деспотизму, онъ переживаетъ обыкновенно мучительную драму, въ основѣ которой лежитъ убѣжденіе въ томъ, что честь и присяга запрещаютъ ему служеніе свободѣ. Но это убѣжденіе лишено всякаго серьезнаго основанія, и если оно такъ широко распространено въ нашей офицерской средѣ, то это объясняется чуждымъ всякой критики отношеніемъ этой среды къ «высокимъ фразамъ» правительства о долгѣ и о чести.

Нужно только немного анализировать содержаніе этихъ фразъ, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей его несостоятельности.

Долгъ и честь великое дѣло. Человѣкъ, измѣняющій своему долгу и лишенный чувства чести, достоинъ глубочайшаго презрѣнія совершенно независимо отъ того, что онъ носитъ: рабочую блузу, «штатскій» пиджакъ, или военный мундиръ. Но вопросъ въ томъ, *какъ надо понимать долгъ и честь*. А этотъ вопросъ съ особенной легкостью рѣшается именно въ интересующемъ насъ случаѣ. Скажу больше.

Если авторъ письма правъ, когда говоритъ, что наша бюрократія ведетъ войну съ Россіей, то вопросъ о долгѣ и чести военнослужащихъ *уже рѣшенъ. Долгъ и честь запрещаютъ имъ участвовать въ этой преступной и позорной войнѣ*. Наша бюрократія твердо убѣждена, конечно, въ томъ, что русское войско существуетъ именно для того, чтобы воевать съ Россіей. Но г.г. офицеры не обязаны раздѣлять это ея убѣжденіе. Напротивъ, они обязаны не раздѣлять его. Правда, они клянутся служить правительству. Но они клянутся также служить своей странѣ, *своему отечеству*. Какъ же быть, если интересы правительства приходятъ въ противорѣчіе съ интересами отечества? На какую сторону долженъ стать военнослужащій «по долгу чести и присяги»? Ясно, на какую! Иисусъ говорилъ: не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Подобно этому надо сказать, что не страна существуетъ для правительства, а правительство для страны. И если правительство вступаетъ въ войну со страной, то оно превращается въ преступную организацію, въ разбойничью шайку, со

*) Повидимому, полкового командира.

**) Изъ № 25 газеты «Товарищъ» видно, что «князь» приказалъ разостлать сѣно и прѣбывавшимъ солдатамъ предложилъ «попользоваться дѣвницей», но тѣ отказались. Утонченный аристократъ! Благородный воинъ!

внутреннего врага, против которого должны ополчиться все благомыслящие граждане и прежде всего те, которых страна вооружает на свой счет для своей защиты. Россия переживает теперь как раз такой момент. И именно потому военно-служащие нравственно обязаны подвергнуть строгому критическому пересмотру требования, предъявляемые им со стороны правительства во имя чести и присяги. Эта обязанность до сих пор была исполнима к сожаленью, лишь немногими из них. Но события не ждуть; кровь льется; разоренная и жестоко угнетенная страна болезненно стонет, и можно надеяться, что уже не далеко то время, когда на ее защиту во множестве поднимутся те, которые уже по самой своей профессии обязаны защищать ее.

Я знаю, что во всех частях войска найдутся господа, способные сочувствовать подвигам преторианцев Семеновского и Кавалергардского полков. Потому-то я и говорю, что вся армия в ее целом не пойдет против правительства. Но я знаю также, что во всех частях армии найдется много и много честных людей, которые не захотят, по выражению Рылеева, в роковое время позорить гражданина сань. А это только и нужно для победы нашей страны над воюющим с нею правительством. Дружные, плановые усилия военных организаций, строго согласованные с действиями «вольных» борцов за свободу, очень быстро положат конец правительственному разбоя.

Автор письма, как видно, хорошо понимает значение военных организаций и ту руководящую роль, которую могли бы и должны были играть в них офицеры. Он отмечает нашу ошибку, состоящую в действительности пропагандистов на солдат помимо офицеров, и жалуется на игнорирование офицерства партиями, борющимися за свободу, на «признание его безсознательным элементом общества, причиною». Меня радует эта жалоба, как симптом, указывающий на то, что мыслящие представители нашего офицерства тяготеют ролью «причинников», навязываемой им правительством и нетерпеливо стремятся к сближению со сторонниками нового политического порядка. Но я не думаю, чтобы эта жалоба была основательна. Может быть, в прежнее время враги деспотизма и не отдавали себе ясного отчета в том, до какой степени им, для успеха своего дела, нужно заручиться сочувствием офицеров. Но теперь все понимают колоссальную важность такого сочувствия. Что же касается до мнения об офицерах, как об «причинниках», то здесь необходимо различать две вещи: во-первых, собственно мнение о том, чем может быть офицерство; во-вторых, те суждения о нем, которые высказывались и высказываются иногда под влиянием всем известных, печальных, но к сожаленью, слишком частых событий. В нашем обществе едва ли найдутся люди, серьезно держащиеся того, очевидно несостоятельного мнения, что под офицерским мундиром не может биться сердце, способное любить свободу. Кто же не помнит декабристов и кто же не читает их памяти? А ведь между ними «штатские» составляли ничтожнейшее исключение! Но когда улицы наших городов орошаются кровью, проливаемой нашим же войском: когда это же «христолубивое воинство» до тла разоряет наши села и деревни, подвергая их жителей непосильным мучениям, тогда по адресу офицеров раздаются много самых горьких упреков и самых тяжелых обвинений. И тут, под впечатлением минуты, иногда совсем забывают о том, что нельзя считать *всех* офицеров солидарными с теми войнами, которые являются палачами своей родной страны. Но пусть только автор письма вдумается в положение, создаваемое, например, «карательными» экспедициями военных отрядов. Он сам согласится тогда, что вполне понятны и вполне естественны упреки и обвинения, раздающиеся по поводу таких экспедиций. А наши антиеврейские погромы во время которых войска, — а следовательно, и офицеры, — играют роль «прикрытия» для озверевших, пьяных хулиганов! Эти погромы подали повод ко множеству самых неблагоприятных суждений о нашем офицерстве. Но при данном положении дел такие суждения совершенно неизбежны. Их не будет только тогда, когда освободительная деятельность офицеров-граждан заставит позабыть о позор-

ных подвигах офицеров-преторианцев и офицеров хулиганов. Но как бы там ни было, а неоспоримо то, что ни один разумный человек не задастся целью «унижать и озлоблять» офицеров, и что каждый разумный человек сдѣлает все от него зависящее для того, чтобы, «дать возможность и законным офицерам принять активное участие в борьбе за благо». Я готов согласиться с тем, что, — по причинам разсмотрѣнных которых завело бы нас слишком далеко, — до сих пор мы работали больше в среде солдат, чем в среде офицеров*). Согласен я и с тем, что привлечение офицеров безусловно необходимо в интересах правильной деятельности наших военных организаций. Если, — как замѣтило недавно «Новое Время» — наши военные бунты подавляются с *театральной легкостью*, то это обстоятельство в значительной степени объясняется тем, что встающие солдаты не встречают надлежащей поддержки со стороны офицеров. Я думаю даже, что только участие офицеров в военных организациях положить конец этим *бунтам*, представляющим собою неплановую и непроизводительную затрату сил, нужных для революций**). И я обращаю внимание нашего Ц. К. на большую ошибку, отмѣчаемую автором письма. Но приведу том я должен сдѣлать очень существенную оговорку. Автор письма высказывает, по моему, слишком мрачный взгляд на «толпу».

Он говорит: «без предводителей эта вооруженная масса, движимая самыми низменными чувствами, которая обыкновенно охватывает взволнованных людей, как-то незамѣтно может обратиться в озверѣвшую банду, которая смѣтет на своем пути все, не разбирая права и виноватаго!»

Спора нет, и предводители нужны. Но взволнованных людей далеко не всегда охватывают *низменные чувства*. Я думаю, что чувства, которые наполняли сердца, например, возставших матросов «Потемкина», были достойны всякого одобрения. Эти матросы искренно сочувствовали свободѣ и не только не предавались никаким зверствам над «вольными» людьми, но чрезвычайно старательно, — *как нельзя более старательно*, — избегали всего того, что могло бы так или иначе повредить интересам населенія. Правда, те же потемкинцы перебили некоторых своих офицеров. Но кто *выпустил* их сдѣлать это? *Один из офицеров!* Правда и то, что поступки некоторых отдельных лиц из числа «взбунтовавшихся» нижних чинов бывали иногда очень жестоки. Еще недавно «Новое Время» гремѣло против убійцы старухи-матери офицера Врочинского (в Кронштадтѣ). Репетильный орган изображал убійцу чуть не людоедом, и он был как будто прав. Но он забывает осведомиться, не было ли у нижних чинов, поднявших руку на престарѣлую Врочинскую, каких-нибудь особенных счетов с нею. Нижнему чину сплошь и рядом приходится больше терпѣть от жены или матери начальника, чем от самого начальника. Автор письма, конечно, знает это не хуже меня. Я понимаю, что жестокость все таки остается жестокостью. Но в том-то и бѣда, — большая, очень большая бѣда! — что при *нынешних* обстоятельствах такая жестокость иногда неизбежна, и неизбежна *не по вину нижних чинов*. Но нижняго чина давить настоящее крѣпостное право со всеми его ужасами. Его отбрасывают, те-

*) Но и в солдатской среде наша работа была до сих пор не плановая. У нас обращали преимущественное внимание на солдат специальных родов оружия: артиллеристов, саперов и т. д., а пѣхотой занимались мало. Но пока пѣхота будет против нас, до тех пор наши расчеты на победу останутся лишены всякаго основанія. Тут мы тоже дѣлаем ошибку, на которую несколько мѣсяцев назад обратил мое внимание один товарищ из числа бывших пѣхотинцев. Роль, сыгранная енисейцами в Кронштадтѣ, лишней раз показала мнѣ, как прав был этот товарищ.

**) Резолюція нашего послѣдняго съѣзда обращает внимание на необходимость согласованія деятельности военных организаций съ общим ходомъ и задачами революціоннаго движенія.

снять; его личность жестоко оскорбляют на каждом шагу. Нижний чинъ терпитъ очень долго; а когда онъ, наконецъ, возстаетъ, то онъ, какъ говорится, себя не помнитъ отъ обиды и гнѣва. Объ этомъ ничего не скажало и не скажетъ намъ „Новое Время“. А это слѣдуетъ помнить, судя о дѣйствіяхъ возстающихъ нижнихъ чиновъ. Слѣдуетъ помнить также и о томъ, что крѣпостное право, держащее русскаго солдата и матроса подъ своимъ желѣзнымъ ярмомъ, теперь даетъ себя больнѣ чувствовать имъ, чѣмъ въ „доброе старое время“. Солдаты и матросы *теперь уже не тѣ, что были прежде*. Въ нихъ уже проснулось сознание своего человѣческаго достоинства. А у кого есть такое сознание, для того прямо невыносимы тѣ униженія, которыя приходится выносить у насъ нижнему чину. Авторъ письма знаетъ, каково живется у насъ солдату. Пусть же онъ вообразитъ, что ему самому пришлось пережить всѣ тѣ оскорбленія, которыя приходится переживать солдатамъ, и пусть онъ скажетъ, положя руку на сердце, увѣренъ ли онъ въ томъ, что, всегда сохранивъ бы самообладаніе и не испыталь бы приступовъ неудержимаго гнѣва. Дѣйствіе равно противодействию. Крѣпостное право всегда вызвало кровавую месть не въ одной только Россіи.

Д-ръ Покровскій писалъ недавно въ „Военномъ Голосѣ“, что „нервы солдатъ, благодаря всему, расшатаны въ высшей степени“. Мнѣ сдается, что нервная расшатанность играетъ не послѣднюю роль въ тѣхъ случаяхъ, когда возставшій солдатъ становится жестокимъ. А гдѣ причина его нервного расшатанности? Она лежитъ отчасти въ общихъ условіяхъ русской жизни, а отчасти въ томъ до крайности тяжеломъ и унижительномъ положеніи солдата, на которое я указываю, и которое, конечно, объясняется въ послѣднемъ счетѣ тѣми же общими условіями. Чѣмъ больше чувство человѣческаго достоинства страдаетъ у солдата, благодаря всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны начальства, тѣмъ больше должны расшатываться солдатскіе нервы. Но развитіе чувства собственного достоинства въ солдатѣ есть въ то же время лучшая гарантія противъ „низменныхъ чувствъ“.

Я говорю это единственно потому, что я немного опасаясь, не смотритъ ли авторъ письма на нижняго чина такъ, какъ на него уже нельзя смотрѣть теперь, потому что теперь онъ несравненно болѣе развитъ, чѣмъ былъ когда-то. Даже честные и свободно-мыслящіе офицеры, не имѣющіе ни малѣйшаго сходства съ „дантистами“, склонны иногда, по твердо установившейся традиціи, смотрѣть на солдатъ, какъ на совершенно безсознательную массу. Но солдатъ—сынъ народа. Проникнувъ въ народъ, сознание проникаетъ и въ солдатскіе ряды. Излишне прибавлять, что этимъ сильно облегчается также воздѣйствіе на солдатъ со стороны офицеровъ-гражданъ.

Можетъ быть, впрочемъ, я плохо понялъ автора письма. Тогда—тѣмъ лучше; тогда намъ тѣмъ лучше столкнуться. А что столкнуться полезно, что столкнуться необходимо, это ясно само собою, слишкомъ уже долго тянется преступная война бюрократіи съ нашимъ отечествомъ, и слишкомъ уже дорого обходится ему эта преступная война!

Если уважаемый авторъ письма захочетъ сдѣлать мнѣ какія либо замѣчанія или возраженія, то онъ можетъ быть увѣренъ, что я съ величайшимъ удовольствіемъ напечатаю ихъ въ своемъ „Дневникѣ“. Мнѣ было бы очень пріятно вступить въ непосредственный обмѣнъ мыслями съ офицерами-гражданами. Кромѣ того, я думаю такимъ офицерамъ давно уже пора возвысить свой голосъ и принять дѣятельное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся пропаганды въ войскѣ. Тутъ имъ и книги въ руки.

Нужно ли отказываться?

Какъ видно выборгское воззваніе распространяется по всей Россіи огромными массами. Не далѣе, какъ въ № 133 „Рѣчи“ я прочелъ, въ корреспонденціи изъ Н.-Новгорода, что оно отпечатано тамъ „соціалдемократами въ количествѣ 15 тысячъ и разослано по деревнямъ окружающей организаціей“. И это разумѣется, очень хорошо. Было бы слишкомъ печально, если бы вышло иначе, т. е. если

бы дѣятельные противники нашего стараго порядка не сумѣли дать широкое распространение своему протесту противъ разгона Думы. Я думаю также, что народъ вездѣ читаетъ выборгское воззваніе съ большимъ сочувствіемъ: за это ручается тотъ живой интересъ, съ которымъ онъ относился къ Думѣ. Но у меня невольно возникаетъ вопросъ: *какъ повлияетъ это воззваніе на далѣйшій ходъ нашего освободительнаго движенія?* Что подъ его влияніемъ народъ еще лучше пойметъ, гдѣ его врагъ, и еще больше возненавидитъ и безъ того уже ненавистную ему бюрократію, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но что будетъ далѣе?

Положимъ, что значительная часть, — скажемъ, половина, — населенія послѣдуетъ тому совѣту, который даютъ ему подписавшіе воззваніе бывшіе члены Думы, и откажется отъ исполненія воинской повинности. Въ этомъ году призвано будетъ около полумилліона молодыхъ людей. Стало быть, согласно нашему предположенію, мы должны принять, что изъ этого числа около 250,000 отвѣтятъ отказомъ на правительственный призывъ. Это, конечно, доставитъ правительству не мало хлопотъ и затрудненій. Но я думаю, что въ послѣднемъ счетѣ *это будетъ выходяще дѣлу реакціи, чѣмъ дѣлу свободы*. И я думаю такъ вотъ почему.

Молодые люди, которые въ видѣ протеста противъ разгона Думы откажутся отбывать воинскую повинность, будутъ, очевидно, съ полнымъ сознаніемъ относиться къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Если бы эти сознательные молодые люди стали подъ знамена, то можно было бы съ увѣренностью ожидать, что они при случаѣ отказались бы истреблять тѣхъ, кого правительство называетъ *внутренними врагами*.

Это уже было бы очень хорошо. Однако, мы имѣемъ право пойти далѣе и предположить, что эти сознательные молодые люди не только не захотѣли бы проливать кровь своихъ согражданъ, но,—когда это оказалось бы нужнымъ,—выступили бы *противъ угнетателей народа*. А это было бы еще лучше.

Теперь, когда исходъ нашей освободительной борьбы въ такой большой, — и *все болѣе возрастающей*, — степени зависитъ отъ настроенія войска, намъ надо дорожить наичищностью въ арміи сознательнаго элемента, а не удалять изъ нея этотъ элементъ. Удаленіе его было бы большою ошибкой.

Это какъ нельзя было ясно. Также ясно и то, что въ нынѣшнемъ году будетъ особенно высокъ процентъ сознательныхъ между молодыми людьми, подлежащими призыву. Событія пережитыя Россіей въ теченіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ, глубоко всколыхнули народное сознаніе. Крестьяне знаютъ, *кто помѣшалъ Думѣ заняться вопросомъ о землѣ*, и они сумѣютъ дать надлежащія наставленія своимъ сыновьямъ, призываемымъ на военную службу. Этимъ настроеніемъ умовъ *нужно воспользоваться*.

И имъ еще можно воспользоваться. Центральныи комитетъ тѣхъ нашихъ партій, которыя хотятъ серьезно бороться за свободу, еще имѣютъ время сговориться между собою и объяснить народу въ новомъ воззваніи, что хотя, конечно, служить нынѣшнему правительству значитъ упрочивать свое собственное рабство, но что отказываться отъ исполненія воинской повинности все таки нѣтъ надобности, такъ какъ сознательный солдатъ можетъ сослужить большую службу народному дѣлу и долженъ сослужить ее. Воззваніе, написанное въ такомъ духѣ, совсѣмъ лишено будетъ характера законности; но оно укажетъ болѣе короткий путь народному освобожденію. А этого совершенно достаточно.

Я предлагаю Ц. К. нашей партіи начать въ этомъ смыслѣ переговоры съ центральными комитетами другихъ партій. Онъ обязанъ сдѣлать все отъ него зависящее для того, чтобы была исправлена тактическая ошибка, сдѣланная лицами, подписавшими выборгскій манифестъ.

Мнѣ представляется, что если бы нашъ Ц. К. взялъ на себя починъ такихъ переговоровъ, то по существу дѣла онъ могъ бы встрѣтить оппозицію развѣ лишь со стороны тѣхъ неспособныхъ людей, которые, — подобно Г. В. Кузьмину-Караваеву, — съ одной стороны хотятъ политической свободы, а съ другой — боятся, что народъ ее *самъ возьметъ*...

Краткіе отвѣты.

Е. В. Аничкову. Ваше интересное „открытое письмо“ не напечатано до сихъ поръ единственно потому, что, за недостаткомъ времени, я, къ сожалѣнію, не могъ отвѣтить на задаваемые мнѣ въ немъ вопросы. Въ слѣдующемъ № „Дневника“,—который скоро выйдетъ,—я съ величайшимъ удовольствіемъ его напечатаю и тамъ же на него отвѣчу.

Товарищамъ, доставившимъ мнѣ Ленинскій „Докладъ“ о нашемъ съѣздѣ. Я дѣйствительно не имѣлъ этого „Доклада“. Благодарю. Вы, разумѣется, правы, предполагая, что Ленинъ придалъ происходившимъ на съѣздѣ преніямъ совершенно ложное освѣщеніе. Въ слѣдующемъ № „Дневника“ я покажу это съ помощью нѣсколькихъ

яркихъ примѣровъ. Сдѣлать это сейчасъ не могу по недостатку времени и мѣста. Но неужели есть читатели, на которыхъ можетъ подѣйствовать этотъ изумительный докладъ?

Мое мнѣніе объ умѣстности новаго съѣзда скажу въ двухъ словахъ. Созывать новый съѣздъ *теперь* значило бы тратить средства партіи и ея время самымъ непроизводительнымъ,—больше того: самымъ преступнымъ образомъ. Но Ленинъ разсуждаетъ не такъ. Онъ думаетъ: почему не созвать новый съѣздъ? Я ничего не потеряю, если опять останусь въ *меньшинствѣ*, и много выиграю,—получу, наконецъ, столь желательную дирижерскую палочку,—если *большинство* окажется на моей сторонѣ. Вотъ онъ и старается. Интересы пролетаріата тутъ совершенно не при чемъ, и рабочіе должны съ негодованіемъ отклонять всякія попытки преждевременнаго съѣзда: это шалости интеллигенціи.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Видѣніе г. В. Кузьмина-Караваева. II.—По поводу одного письма. III.—Надо ли отказываться? IV.—Краткія отвѣты.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

С.-Петербургъ.
Москва.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ“. Невскій пр., 60.
Книжный магазинъ „ТРУДЪ“. Тверская ул., 38.

Редакторъ-издательница **М. Малыхъ.**